

Глава 1

Он сделает дочь Фарингдона орудием своей мести и вернет себе все, что принадлежало ему по праву рождения. Этот план созрел у него несколько месяцев назад. С ее помощью, он отомстит всему семейству Фарингдон и в первую очередь Бродерику — главному виновнику того, что случилось двадцать три года назад.

Саймон ТраэРН, граф Блэйд, остановил коня посреди рощицы вязов и посмотрел сквозь спутанные голые ветви на великолепный дом. Двадцать три года граф не был в Сент-Клер-Холле, и сейчас дом предстал тяжелому взору Саймона таким же, каким запомнился ему в тот день.

В слабых лучах зимнего солнца каменные стены казались высеченными из холодного серого мрамора. Этот загородный особняк поражал благородным изяществом. Он не имел ничего общего с громоздкой эклектикой, образчиками каковой нередко являлись поместья аристократов. Построенный строго в палладианском стиле, столь распространенном в прошлом веке, он олицетворял суровое достоинство.

Здание не было особенно массивным, зато в каждой его линии — от высоких внушительных окон до просторных ступеней, ведущих к парадной двери, — присутствовала безупречная, хотя и несколько холодноватая эlegantность.

Сам дом не изменился, а вот окружающий ландшафт узнавался с трудом. Где строгая чередка зеленых газонов с мраморными чашами классических фонтанов?.. Вместо них появились клумбы и рабатки. Великое множество цветов. Кто-то явно страстно увлекался их разведением.

Даже среди зимы они заметно смягчали облик дома. А весной и летом его холодные стены, наверное, возносятся к небу из яркого буйства цветов, вьющихся виноградных лоз и причудливо подстриженных зеленых изгородей.

Какая нелепость! Этот дом никогда не был приветливым. И ему совершенно не пристало окружение романтических розариев и дурацких изгородей. Саймон догадывался, кто виновник столь возмутительного пейзажа.

Гнедой нетерпеливо переступал. Граф рассеянно потрепал коня затянутой в кожаную перчатку рукой.

— Теперь уже недолго, Лапсанг, — тихо проговорил он, натягивая поводья. — Скоро я вышвырну вон всех фарингдонских ублюдков. Настанет мой час!

И орудием мести станет дочь.

О нет, мисс Эмили Фарингдон вовсе не была юной девицей. Ей уже исполнилось двадцать четыре, и, если верить леди Гиллингем — хозяйке дома, где он гостил, — девушка прекрасно понимала, что у нее почти нет шансов на удачное замужество. Саймону туманно намекнули на какой-то скандал в прошлом молодой леди, скандал, не оставивший никакой надежды на достойную партию.

И это обстоятельство оказалось очень кстати для его плана.

Графу вдруг пришло в голову, что нравы Ост-Индии, где он прожил столько лет, сильно изменили его образ мыслей и рассуждает он уже не как

англичанин. Не случайно друзья и знакомые часто обвиняли его в излишней загадочности и скрытности.

И возможно, справедливо. Даже месть в его представлении не была чем-то простым и открытым — она представляла собой целое действие, требующее скрупулезной продуманности и тщательной подготовки. По восточным обычаям, месть требовала расправы не только с самим врагом, но и со всем его семейством.

Честный английский джентльмен благородного происхождения и в мыслях не допустил бы сделать невинную молодую девушку орудием своей мести.

В любом случае, если слухи справедливы, леди не так уж и невинна.

Когда Саймон мчался обратно к дому, где гостил, он ощущал в душе холодное удовлетворение. После двадцати трех лет ожидания он наконец-то отомстит и вернет себе Сент-Клер-Холл.

Эмили Фарингдон знала, что влюбилась. Правда, она никогда не встречалась с героем своего романа, но это совсем не помешало ей всецело отдаться романтическому чувству. По письмам мистера Траэрна она поняла: с этим человеком у них духовная общность высшего порядка. Он был образцом мужчины — вдохновенный, утонченный, с ярким интеллектом и сильным характером. Словом, само совершенство.

Но какое несчастье: возможностей когда-нибудь встретиться с ним — не говоря уже о романтических отношениях — было ничтожно меньше, чем шансов на выигрыш в любой азартной игре.

Эмили вздохнула, нацепила очки в серебряной оправе и выбрала письмо Саймона Траэрна из пачки конвертов, газет и журналов утренней почты. За последние месяцы она стала безошибочно узнавать четкий изящный почерк Траэрна и его необычную пе-

чатку в виде головы дракона. Из-за обширной переписки и огромного количества подписных изданий на ее письменном столе красного дерева всегда лежали целые кипы бумаг, но письма от Саймона Траэрна она находила сразу.

Эмили всегда очень осторожно распечатывала конверт ножом для бумаг, дабы не повредить печать. Каждая деталь посланий Траэрна для нее была очень важной и достойной вечного хранения в особой шкатулке, купленной по этому случаю.

Она аккуратно вскрывала печать из красного воска, когда дверь отворилась и в библиотеку неторопливо вошел ее брат.

— Доброе утро, Эм. Ты, как всегда, усердно трудишься. И как только тебе хватает терпения?

Чарлз Фарингдон чмокнул сестру в щеку и грациозно опустился в кресло напротив широкого письменного стола. Небрежно закинув ногу на ногу, он беспечно и обворожительно улыбнулся.

— Не представляю, что бы мы все делали, если бы не твоя приверженность к этой противной деловой переписке.

Эмили неохотно положила письмо Саймона Траэрна на стол и накрыла его последним номером «Журнала для джентльменов». Письма Траэрна — ее личное дело, а потому не следовало открыто оставлять их на столе, где они могли вызвать чей-нибудь случайный интерес.

— Ты, кажется, в прекрасном настроении, — заметила непринужденно девушка. — Полагаю, уже оправился от разочарования последних проигрышей и собираешься снова вернуться в город?

Эмили всматривалась в своего красивого братца через круглые стеклышки очков, испытывая привычное смешанное чувство раздражения и ду-

шевной привязанности. Она любила Чарлза, равно как и его близнеца Девлина и своего отца, бонвивана и светского льва. Но нельзя было отрицать, что некоторая безответственность, и даже безрассудность, в поведении мужчин Фарингдонов порой чрезвычайно утомляла. Их красавицу мать, умершую шесть лет назад, часто огорчали подобные фамильные черты.

Эмили не могла не признать: за исключением ее самой Фарингдоны были красивой семейкой.

Вот и в это утро в костюме для верховой езды Чарлз, как всегда, был неотразим: куртка от Уэстона — Эмили только что оплатила за нее счет — безупречна, покрой бриджей выгодно подчеркивает его прекрасную фигуру, а сапоги начищены до зеркального блеска, так что в них можно смотреться.

Высокий блондин, с волосами, отливающими на солнце золотом, и глазами, голубыми как летнее небо, Чарлз выглядел истинным представителем рода Фарингдон. Вдобавок к чертам юного Адониса он обладал еще и собственным неповторимым шармом.

— Да, оправился, — бодро заверил ее брат. — Через пару минут уезжаю в Лондон. Отличный день для прогулки верхом. Если у тебя есть какие-нибудь поручения для Давенпорта, с удовольствием передам их. Собираюсь обогнать почтовую карету по дороге в город — я даже заключил пари с Пирсоном!

Эмили покачала головой:

— Нет, сегодня для мистера Давенпорта у меня поручений нет. Разве что на следующей неделе, когда мои корреспонденты в Эссексе и Кенте сообщат о видах на летний урожай бобов и я приму кое-какие решения.

Чарлз пренебрежительно наморщил точеный нос:

— Бобы... И как ты только можешь заниматься такой чепухой, как выращивание бобов? Это же жуткая рутина!

— Полагаю, не большая, чем производство железа, добыча угля и урожай зерновых, — парировала она. — Меня весьма удивляет, что ты сам перестал интересоваться подобными делами. Все, чем ты наслаждаешься в жизни — от твоих шикарных сапог до прекрасного жеребца, которого ты купил в прошлом месяце, — результат внимательного отношения к столь скучным вещам, как выращивание бобов.

Чарлз улыбнулся и, подняв руки, встал:

— Прошу тебя, хватит читать мораль, Эм. Пожалуй, это еще тоскливее, чем бобы. Кстати сказать, новый жеребец действительно прекрасное животное. Отец помог выбрать его на аукционе «Таттерсоллз», и не тебе мне объяснять, какой у отца глаз на породу.

— Да, но это очень дорогой жеребец, братец.

— Считай мою покупку вложением капитала. — Чарлз еще раз легко поцеловал ее в щеку. — Ну, раз для Давенпорта новостей нет, я пойду. Увидимся, когда мне вновь придет охота размяться после карточной игры.

Эмили улыбнулась ему с затаенной грустью:

— Передавай привет папе и Девлину. Мне даже захотелось поехать с тобой в Лондон.

— Глупости. Ты же говоришь, что чувствуешь себя лучше всего здесь, в деревне, где всегда есть чем заняться. — Чарлз направился к двери. — Сегодня четверг. У тебя собрание литературного общества, не так ли? Ты ведь не можешь его пропустить?

— Да, пожалуй. До свидания, Чарлз.

— До свидания, сестрица.

Эмили подождала, пока дверь библиотеки закроется за братом, и лишь тогда подняла «Журнал для джентльменов» с письма Траэрна. Она улыбнулась от удовольствия, приступая к чтению написанных изящ-

8 ным почерком строк:

«Моя дорогая мисс Фарингдон!

Боюсь, письмо покажется вам очень коротким, но смею надеяться, вы простите меня за спешку, когда узнаете причину. А причина в том, что очень скоро я приеду в ваши края. Собираюсь погостить в загородном доме лорда Гиллингема, который, насколько я понимаю, живет по соседству с вами. Не сочтите за излишнюю назойливость, если выражу надежду на то, что вы предоставите мне возможность познакомиться с вами лично во время моего пребывания...»

Эмили оцепенела — Саймон ТраэРН приезжает в Литл-Дипингтон!

Она не могла поверить своим глазам. С колотящимся от волнения сердцем схватила письмо и перечитала первые строки.

Да, так оно и есть. Он собирается гостить у Гиллингемов — их загородный дом совсем недалеко от Сент-Клер-Холла. Дрожащими пальцами Эмили осторожно положила письмо и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы справиться с охватившим ее трепетом — трепетом, граничащим с ужасом.

Та часть ее существа, что жаждала увидеть Саймона Траэрна, боролась со страхом перед этой встречей. От волнения кружилась голова. В отчаянной попытке сохранить здравый смысл Эмили пыталась убедить себя, что эта встреча не сулит ничего романтического. Скорее всего предстоит прекратить дорогую ее сердцу переписку, ставшую за последние несколько месяцев самым важным событием в ее жизни.

А ужас заключался в том, что во время пребывания у Гиллингемов — в столь близком соседстве — ТраэРН непременно услышит какой-нибудь скользкий намек на неприятную историю, в которую она когда-то попала. Разумеется, хозяйка дома, где

он остановится, леди Гиллингем, как и вообще все в Литл-Дипингтоне и в округе, прекрасно осведомлена о страшном пятне на репутации Эмили. Хотя все случилось пять лет назад и теперь разговоры уже поутихли, но факт остается фактом.

Эмили пыталась рассуждать здраво. Рано или поздно — если Саймон Траэрн задержится в их краях надолго — кто-нибудь непременно упомянет о происшествии.

— Черт подери! — воскликнула Эмили, нарушив тишину библиотеки, и поморщилась от ругательства.

Одним из не слишком приятных последствий длительного уединения в большом доме в обществе одних только слуг было то, что она приобрела некоторые дурные привычки. Например, когда ей того хотелось, могла свободно выругаться, как мужчина. Эмили мысленно приказала себе в беседах с мистером Траэрном следить за своей речью. Она была уверена: джентльмен, проявивший столь возвышенные чувства, сочтет ее привычку к резким выражениям совершенно недопустимой для молодой леди.

Эмили тяжело вздохнула. До чего же трудно будет соответствовать высоким требованиям Саймона... А не ввела ли она его в некоторое заблуждение относительно своей утонченности ума и изысканности манер?

Девушка порывисто встала и подошла к окну, выходявшему на цветник. Она и в самом деле не знала, радоваться ей или отчаиваться из-за приезда Траэрна. Она чувствовала себя так, словно стояла на краю пропасти.

Саймон Траэрн приезжает в Литл-Дипингтон. Это никак не укладывалось у нее в голове. Долгожданная встреча и связанный с нею риск будоражили воображение. Он не сообщил, когда прибудет, но похоже, что в ближайшее время. Наверное, через несколько недель или в следующем месяце.

Наверное, ей лучше придумать благовидный предлог — например, срочный визит к какой-нибудь дальней родственнице?

Нет, она не переживет, если упустит такой шанс. Пусть даже потом все рухнет. О, как ужасно, что приходится бояться встречи с человеком, в которого влюблена.

— Черт подери! — снова воскликнула Эмили и обнаружила, что улыбается как идиотка, хотя ей хочется плакать.

Напряжение стало почти невыносимым. Она вернулась к столу и дочитала письмо Траэрна до конца:

«...Благодарю вас за экземпляр вашего последнего стихотворения «Мысли во мраке перед рассветом». Я прочел его с большим интересом и должен вам сообщить, что особенно меня потрясли те строки, где вы рассматриваете поразительное сходство между треснувшей вазой и разбитым сердцем. Очень впечатляюще. Надеюсь, к тому времени, как вы получите это письмо, у вас уже будет положительный отзыв от издателя.

Всегда ваш
С.О. Траэрн».

Теперь Эмили знала, что вряд ли решится поспешно уехать к несуществующей родственнице. Будь что будет, но она не в силах устоять перед возможностью встретиться с человеком, который так понимает ее поэзию и назвал ее стихи очень впечатляющими.

Она аккуратно сложила письмо Саймона и спрятала за корсаж бледно-голубого утреннего платица с завышенной талией. Быстро взглянув на часы, девушка поняла: пора возвращаться к работе. Ей предстояло сделать еще очень многое, прежде чем

отправиться на очередное заседание литературного общества, традиционно проходившего по четвергам.

Разобрав уже половину почты, Эмили наткнулась на письмо с очередным отказом издателя. Она сразу узнала конверт, ибо получила уже немало таких писем. Мистер Паунд, человек с явно ограниченным интеллектом, очевидно, не счел ее поэзию очень впечатляющей.

Но странно — мысль о скором приезде Траэрна волшебным образом смягчила этот удар.

— Не понимаю, чего ради вам захотелось посетить собрание литературного общества, Блэйд? — Нахмутив лохматые брови, лорд Гиллингем пристально смотрел на своего гостя.

Они с Саймоном стояли перед домом Гиллингемов, ожидая, пока подадут лошадей.

— Я думаю, это может оказаться весьма забавным. — Саймон слегка похлопывал хлыстом по сапогу. Теперь, когда оставались считанные минуты до встречи с мисс Эмили Фарингдон, им владело нетерпение.

— Забавным? Станный вы человек, Блэйд. Хотя чему тут удивляться, ведь вы столько лет провели на Востоке. Долгое пребывание среди иностранцев не идет на пользу, вот что я вам скажу. От этого и возникают всякие причуды.

— Но это принесло мне еще и состояние, — сухо напомнил Саймон.

— Что ж, справедливо. — Смущенно кашлянув, Гиллингем сменил тему: — Я предупредил о вашем визите обеих Инглбрайт. Думаю, вам будут очень рады, но считаю своим долгом предупредить: это общество — всего лишь стайка старых дев, которые собираются раз в неделю и перевозносят до небес жалкую кучку стихоплетов. Женщины, знаете ли, очень склонны ко

12 всякой романтической чепухе.

— Да, слышал, слышал... И все-таки мне любопытно посмотреть, как теперь развлекаются в сельской глуши.

— Ну, если вам угодно... Я подъеду с вами к Розовому коттеджу, представлю, а дальше вы уж сами. Вы не будете возражать, если я не останусь слушать их болтовню, а?

— Разумеется, нет, — рассеянно проговорил Саймон. Слуга подвел лошадей. — Это же мое чудачество, и я готов пожинать его плоды.

Граф Блэйд легко вскочил в седло Лапсанга и поскакал по дорожке рядом с лордом. Нетерпение охватывало его все сильнее и сильнее, бередя душу. Он старался обуздать непрощенное чувство. Саймон всегда гордился своим железным самообладанием.

Он почти не сомневался в радушном приеме сестер Инглбрайт и всех остальных обожающих поэзию старых дев. Может, он и не обладает красотой в стиле Байрона, Эшбрука и прочих, но он, в конце концов, граф.

Сей простой факт — как хорошо знал Саймон — плюс его огромное богатство и влияние вполне были способны скрасить множество физических изъянов, а также смягчить самые разные недостатки, ошибки в суждениях и даже дурные черты характера.

Леди из литературного общества, без сомнения, пришли в совершенный восторг, узнав, что их скромный салон желает почтить своим присутствием сам граф Блэйд...

Розовый коттедж в действительности оказался весьма скромным. Маленький аккуратный домик, окруженный небольшим ухоженным розарием, стоял чуть в стороне от узенькой дорожки, неподалеку от поселка.

Хрупкие строгие седовласые женщины неопределенного возраста приветствовали у ворот трех посетительниц, видимо, только что пришедших

пешком. Все они кутались от холода в поношенные старомодные накидки и пелерины самых скучных тонов. Их невзрачные шляпки были плотно стянуты под подбородком.

Подъезжая с лордом Гиллингемом, Саймон с любопытством рассматривал леди, стоящих у ворот. У него сразу же возникло впечатление, что ему предстоит встреча со стайкой пугливых серых голубей. Он тихонько чертыхнулся, размышляя, какая же из этих неприметных птичек Эмили Фарингдон. Граф испытывал странное чувство смятения, тревоги и некоторого удивления.

Насколько он мог судить об Эмили по переписке, ее трудно было представить одной из этих весьма чопорных дам. Он ожидал увидеть молодую особу, романтическую, полную дерзкой энергии.

Пять пар настороженных женских глаз устремились на него из-под старомодных шляпок. Ни одной из обладательниц этих взоров он не дал бы меньше сорока. Саймон нахмурился. Он был уверен: мисс Фарингдон гораздо моложе и симпатичнее. Фарингдоны славятся своей внешностью не меньше, чем беззаботностью поведения.

— Добрый день, леди. — Гиллингем галантно снял шляпу и широко улыбнулся. — Я привез вам гостя. Позвольте представить графа Блэйда. Совсем недавно он возвратился из Ост-Индии, знаете ли. И ему не терпится услышать, что делается в литературных кругах здесь, в Англии.

Саймон приподнял касторовую шляпу с загнутыми полями, внутренне готовясь к выполнению своей миссии, как вдруг до него дошло, что ни на одном из этих лиц нет ни малейшего признака радушия.

Он, прищурившись, наблюдал, как Гиллингем совершал церемонию представления. Сомне-

ваться не приходилось: всегда и литературных четвергов не выражали ни малейшего восторга по поводу нового знакомства. Более того, Саймон читал на их лицах некоторое беспокойство и подозрительность. У него даже промелькнула мысль, что милые леди из литературного общества предпочли бы, чтобы он тут вообще не появлялся.

Гиллингом быстро покончил с формальностями:

— Мисс Инглбрайт, мисс Брейсгердл, мисс Хорнсби и мисс Остли...

Дамы вежливо, но без особого энтузиазма ответили на приветствие. Мисс Фарингдон среди них нет, отметил про себя Саймон. Он не мог отрицать, что испытал некоторое облегчение, однако дело усложнилось. Оставалось только надеяться, что леди просто запаздывает.

— Очень любезно с вашей стороны присоединиться сегодня к нам, милорд, — довольно холодно проговорила мисс Брейсгердл, высокая худощавая особа с вытянутым лицом.

— Весьма любезно, — чопорно подхватила старшая из сестер Инглбрайт. Но это прозвучало так, будто она предпочла бы, чтобы джентльмен отправился на охоту. — Как мило с вашей стороны интересоваться нашим скромным сельским обществом. Боюсь лишь, что вы сочтете нас ужасно скучными... совсем непохожими на посетительниц блестящих салонов в Лондоне.

— Да-да, наши заседания не чета лондонским, — живо вмешалась мисс Остли, пухленькая и безвкусно одетая. — Мы здесь слишком отстали от времени, милорд.

— Я не встречал в Лондоне особенно блестящих литературных салонов, — вежливо ответил Саймон, заинтересовавшись столь необычным приемом. Что-то было явно не так. — Просто группки вечно щебечущих леди и денди, предпочитающих обсуждать последние скандалы, а не новости литературы.